

Кальвинъ.¹⁾

(1509—1909).

Решение К. остаться в Женеве, его первоначальное положение и работа надъ Articles. Содержание проекта; „катихизисъ“, „исповѣданіе“. Принятие Articles и образование партій. Борьба партій; изгнаніе К. изъ Женевы. *Прѣбываніе К. въ Страсбургѣ*; теоретическая и практическая работа К. въ Страсбургѣ. *Возвращеніе К. въ Женеву 1541 г.* Работа К. надъ „ордонансами“. Содержаніе ордонансовъ и принятіе ихъ магистратомъ. Оппозиція противъ Кальвина. Борьба Кальвина съ оппозиціей а) за строгость нравственныхъ предписаній и дисциплинарныхъ мѣръ (процессы Амо, Фавръ-Перрена, Іакова Груе) и за в) чистоту ученія (Кастеллю, Вальзекъ, Тролле и Михаиль Серветъ). Столкновеніе К. съ Совѣтомъ по вопросу объ отлученіи и правахъ иностранцевъ. Побѣда К. надъ оппозиціей. Основаніе Кальвиномъ Коллегии и Академіи. Открытіе школъ и ихъ учебно-воспитательный строй. *Миссіонерская дѣятельность Кальвина*. Отношеніе К. къ дѣлу протестантизма во Франціи, Англіи, Польшѣ, Италіи. *Утопическіе планы К. по отношенію къ Швейцаріи и Германіи*. *Домашняя жизнь К.* Семья, внѣшній бытъ и работа. Болѣзнь и смерть К. *Кальвинъ—какъ гуманистъ, проповѣдникъ и боецъ*.

Въ періодъ формированія политической и религіозной жизни Женевы, именно вскорѣ послѣ торжественной присяги гражданъ „евангельскому ученію“ (21-го мая 1536 г.), въ городъ приходитъ Кальвинъ. Остаться долго въ Женевѣ Кальвинъ не имѣлъ въ виду; онъ хотѣлъ, по его собственному признанію, побыть здѣсь не болѣе одного дня только для того, чтобы отдохнуть отъ дороги и продолжать путь далѣе; однако этому намѣренію не суждено было осуществиться. Фарель, узнавши о прибытіи въ городъ автора Institutio, своимъ вдохновеннымъ обращеніемъ къ нему, напоминавшимъ по тону голосъ суроваго пророка, заставилъ Кальвина одновременно отказаться, какъ отъ плана дальнѣйшаго путешествія, такъ и его прямого непосредственнаго желанія заняться кабинетной ученой работой и подчинилъ его волю собственному намѣренію—отдать силы на практи-

¹⁾ См. Труды Киевск. Дух. Акад., Октябрь, 1909 г.
Труды Киевск. Дух. Акад. Т. III. 1909 г.

ческое служеніе молодой въ религіозномъ смыслѣ женевской общины. Біографы Кальвина полагаютъ, что мотивами подобнаго рѣшительнаго шага Фареля были—сознаніе его собственной неспособности къ организаторскому дѣлу и увѣренность въ пригодности для даннаго дѣла силъ Кальвина, организаторскій талантъ котораго ясно сказывался въ теоретическихъ предпосылкахъ *Institutio*. Какъ бы то ни было, Кальвинъ усмотрѣлъ въ просьбѣ Фареля и его вдохновенномъ заклинаніи голосъ Божій и, неожиданно для себя, не только остается въ Женевѣ, но вступаетъ на путь практическаго служенія. Первоначально Кальвинъ былъ въ Женевѣ рядовымъ работникомъ, выступавшимъ въ качествѣ помощника Фареля: подъ его наблюденіемъ Кальвинъ занимался изъясненіемъ свящ. Писанія въ церкви св. Петра, рядомъ съ нимъ онъ участвуетъ на диспутѣ въ Лозаннѣ, и хотя здѣсь уже обнаруживаетъ свою эрудицію и умѣнье пользоваться діалектикою, однако еще настолько не выдѣляется въ глазахъ гражданъ и правительства, что въ протоколахъ совѣта именуется протѣ „французомъ“. Мало по малу Кальвинъ завоевываеъ себѣ видное положеніе и становится въ ряды женевскихъ проповѣдниковъ; имя Кальвина, хотя и упоминается въ официальныхъ актахъ послѣ Фареля, но въ практической дѣятельности Кальвинъ пользуется авторитетомъ не только гражданъ, но и самого своего патрона Фареля, отодвигая этого, по выраженію Кароли, „ересіарха Женевы“¹⁾ на второе мѣсто. Данному возвышенію Кальвина способствовали, какъ сила обстоятельствъ современной ему Женевы, такъ и, конечно, его личные качества.

Незадолго до прихода Кальвина Фарель взялъ на себя порученіе Совѣта составить планъ организаціи новой общины. Кальвинъ принялъ участіе въ разработкѣ этого пла-

¹⁾ Cornelius. S. 130.

на и примѣнилъ сюда главные начала церковной организаціи, намѣченные имъ въ Institutio. Правда трудно сказать, чтобы всѣ мысли Institutio нашли для себя полное примѣненіе въ этомъ планѣ, но главные изъ нихъ остались неизмѣнными. Проектъ церковной организаціи носилъ заглавіе *Articuli de regimine ecclesiae*;—его задача естественно направлялась къ двумъ цѣлямъ, съ одной стороны, уничтоженію стараго католическаго культа и, съ другой, къ утвержденію новаго. Центромъ новаго строя, по мыслямъ артиклей, должно быть таинство евхаристіи, оно должно объединять въ себѣ всѣ жизненныя функціи церкви на подобіе того, какъ это было въ древне—апостольской церкви. „Было бы желательно“, говорятъ артикли, чтобы причащеніе было совершаемо, по крайней мѣрѣ, каждое воскресенье; по установленію Христа и обычаю древней церкви оно должно бы быть всякій разъ, лишь только собирается община“¹⁾... однако по причинѣ ослабленія строгости жизни и вообще человѣческой слабости необходимо совершать евхаристію одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Но такъ какъ евхаристіи есть духовное общеніе членовъ церкви съ своею главой—Христомъ, то вѣрующіе должны приступать къ евхаристіи достойно, подготавливая себя всегда строгою нравственною жизнью. Недостойные не должны приобщаться, потому что ихъ участіе въ евхаристіи являлось бы ничѣмъ инымъ, какъ оскверненіемъ святыни.

Какимъ же образомъ достигнуть того, чтобы приобщались лишь достойные? Артикли въ отвѣтъ на этотъ вопросъ предлагаютъ раздѣлить городъ на особые кварталы, поставить надъ ними за наблюденіемъ лицъ строгой нравственности и вмѣнить имъ въ обязанность тщательно смотрѣть за образомъ жизни членовъ подчиненныхъ имъ кварталовъ. Если кто либо изъ надзирающихъ за кварталами замѣтитъ

¹⁾ Cornelius. S. 132.

за кѣмъ либо какой порокъ, то онъ немедленно долженъ довести до свѣдѣнія какъ о порокѣ, такъ и лицѣ, проповѣднику. Послѣдній на пути исправленія грѣшника прибѣгаетъ къ мѣрамъ постепенной строгости: а) нравственному увѣщанію, въ случаѣ же его неэффективности, б) къ угрозѣ довести до свѣдѣнія о преступленіи и лицѣ всей церкви, и, наконецъ, в) самому торжественному провозглашенію порока и лица предъ всеѣмъ собраніемъ вѣрующихъ. Въ случаѣ же, если грѣшникъ и здѣсь окажется непослушнымъ, онъ извергается изъ общины и подвергается экскомуникаціи. Власть церкви на этомъ кончается, но проповѣдники надѣются, что правительство не потерпитъ надругательства надъ Богомъ. „Въ этихъ артикляхъ“, справедливо пишетъ Лангъ, „мы уже видимъ зерно позднѣйшей церковной организаціи Женевы, а вмѣстѣ съ нимъ и вообще пресвитеріанскаго строя“, въ ихъ исходномъ пунктѣ нежить мысль, что церковь есть болѣе, чѣмъ только институтъ проповѣди и совершенія таинствъ. Церковь для Кальвина жизненное общеніе, Царство Іисуса Христа“ ¹⁾.

Разсматривая содержаніе статей и признавая, что надъ ихъ композиціей трудился Кальвинъ, мы должны сказать, что мысли статей не представляютъ собою какой либо новости; даже въ пунктахъ нравственной дисциплины они являются болѣе или менѣе отдаленной копіей постановленій городскихъ совѣтовъ швейцарскихъ городов ²⁾. Однако въ артикляхъ жевевскихъ исследователи находятъ и оригинальную сторону, виновникомъ которой былъ именно Кальвинъ. Эта сторона выражается въ рѣзкомъ дуализмѣ церкви и государства. Швейцарскіе кантоны цвинглианскаго типа отдавали власть нравственнаго контроля свѣтской власти, въ артикляхъ же она находится въ рукахъ церкви—ея представителей.

¹⁾ Lang. S. 37.

²⁾ Примѣры см. у Bossert'a... S. 65.

Проповѣдники вмѣстѣ съ Artikles представили городскому совѣту два документа—„катихизисъ“, составленный Кальвиномъ и „исповѣданіе вѣры“, текстъ котораго былъ заимствованъ Фарелемъ изъ катихизиса. Назначеніе названныхъ памятниковъ требовалось прямою необходимостью практическаго осуществленія предлагаемаго плана церковной организаціи. Нужно было *научить* членовъ церкви истинной вѣрѣ (катихизисъ) и *убѣдиться* въ томъ, что ученіе каждымъ содержится правильно (исповѣданіе); рекомендовался личный опросъ, явившійся вмѣстѣ съ тѣмъ и торжественнымъ свидѣтельствомъ единенія каждаго члена съ церковью.

Такимъ образомъ, если суммировать цѣль мыслей, направленныхъ къ организаціи церковнаго строя, то порядокъ ихъ группировки будетъ такой: евхаристія—движущій первъ церкви, приступить къ ней необходимо достойно, средства для этого наученіе (катихизисъ), контроль (исповѣданіе) съ одной стороны и нравственная жизнь съ другой—для послѣдней цѣли долженъ быть надзоръ. Контроль въ силу необходимости выполняетъ и отрицательную задачу—экскоммуникацію недостойныхъ членовъ церкви.

Проектъ, рассмотрѣнный магистратомъ (15 янв. 1537 г.), былъ принятъ въ значительно измѣненномъ видѣ. „Исповѣданіе было принято, а вмѣстѣ съ тѣмъ и предложеніе о личной, поименной присягѣ... но не было допущено ежемѣсячное совершеніе евхаристія и отстранено вовсе отлученіе; правительство отвергало вообще церковную дисциплину нравовъ и замѣняло ее дѣятельностію особой, чисто свѣтской комиссіи, которой было поручено разслѣдованіе непристойныхъ поступковъ и дурныхъ нравовъ“¹⁾.

Хотя Artikles были приняты совѣтомъ и въ смягченной редакціи, однако проведеніе ихъ въ жизнь встрѣтило боль-

¹⁾ Виллеръ стр. 32.

нiя затрудненiя: граждане были недовольны не столько самими принципами Artikles, сколько настойчивымъ ихъ примѣненiемъ. Приведенiе жителей къ присягѣ послужило первымъ поводомъ недовольства гражданъ, послѣднiе „скоро раздѣлились на двѣ партiи—„присягнувшихъ“ и „неприсягнувшихъ“ и такимъ образомъ то, что должно было служить объединяющимъ звеномъ всѣхъ членовъ города, стало предметомъ раздора“¹⁾. Проповѣдники приносятъ на неприсягнувшихъ жалобу совѣту, требуя примѣненiя къ нимъ эскоммуникацiи. Совѣтъ дѣятельно берется за контроль самихъ начальниковъ кварталовъ и измѣняетъ способъ поличнаго опроса коллективною клятвою жителей квартала въ соборѣ св. Петра, считая въ нужныхъ случаяхъ подвергать непокорныхъ изгнанiю изъ города. Данное обстоятельство возбуждало недовольство жителей противъ Совѣта и проповѣдниковъ и, соотвѣтственно настойчивости проведенiя рѣшительныхъ мѣръ, способствовало прежде всего росту правительственной оппозицiи, далеко неодинаковаго качества по составу своихъ религiозныхъ элементовъ. Эта оппозицiя привела къ замѣнѣ на выборахъ 1538 г. (февраля) правительства новымъ составомъ членовъ, среди которыхъ было большинство лицъ, нераздѣлявшихъ образа дѣйствiя прежняго момента и не такъ слѣдовательно благосклонно относившихся къ проповѣдникамъ. При этомъ новомъ правительствѣ, поддерживавшемъ дружественныя отношенiя съ союзнымъ Берномъ, вскорѣ выплылъ вопросъ о такъ называемыхъ Бернскихъ обрядахъ, поссорившiй окончательно женевскiй магистратъ съ Кальвиномъ и Фарелемъ и завершившiйся изгнанiемъ изъ города послѣднихъ. Отъ Берна, ревниво смотрѣвшаго за ходомъ церковно-политической жизни Женевы, не могъ ускользнуть радикализмъ церковной реформы, обѣщавшiй въ будущемъ и политическое обособ-

¹⁾ Bossert. S. 70.

леніе Женевы отъ союза съ нимъ. Бернъ предлагаетъ Женевѣ для сохраненія церковнаго единства удержатъ нѣкоторые изъ прежнихъ праздниковъ и обычаевъ—праздновать пятидесятницу и новый годъ, благовѣщеніе и вознесеніе, ввести баптистеріи, употреблять опрѣсноки въ евхаристіи и дозволить невѣстамъ носить головной уборъ. Городской магистратъ предписываетъ проповѣдникамъ, безъ предварительнаго съ ними совѣщанія, держаться бернскихъ обрядовъ. Проповѣдники, оскорбленные такимъ вмѣшательствомъ и распоряженіемъ магистрата, рѣшительно отказываются исполнить распоряженіе. Этотъ конфликтъ, не смотря на мало-важный поводъ, вызвавшій его, имѣетъ въ своей основѣ принципиальное значеніе для обѣихъ сторонъ: проповѣдники видѣли въ распоряженіи магистрата незаконное вмѣшательство свѣтской власти въ церковную жизнь, а магистратъ стремился подчинить органы церкви своей волѣ. Побѣда въ данномъ случаѣ въ принципѣ осталась на сторонѣ проповѣдниковъ, хотя фактически они и пострадали. Проповѣдники открыто говорили народу о незаконныхъ дѣйствіяхъ магистрата (Куро), магистратъ старался запретить имъ критику своихъ дѣйствій и обязать принять свое распоряженіе о бернскихъ обычаяхъ. 21-го апрѣля, въ торжественный день пасхи, Кальвинъ и Фарель не только не совершили евхаристіи на опрѣснокахъ, какъ того требовалъ магистратъ, но и совѣмъ отказались отъ ея совершенія въ виду недостойнства народа, о чемъ и говорили проповѣдь. Вызывающее поведеніе Кальвина и Фареля послужило поводомъ къ тому, что рѣшеніемъ Совѣта отъ 23 апр. 1538 г. они изгнаны изъ города. Изгнанники, покидая городъ и апеллируя къ Верну, утѣшали себя тѣмъ, что больше слушались Бога, чѣмъ людей ¹⁾.

1) На первый періодъ дѣятельности К. въ Женевѣ (1537 г.) падаетъ его борьба съ анабаптистами и диспутъ съ лозаннскимъ

По своему уходу из Женевы, Кальвинъ, послѣ продолжительнаго пребыванія въ Базелѣ, поселился въ Страсбургѣ, гдѣ и жилъ около трехъ лѣтъ. Страсбургъ по своему топографическому положенію занималъ въ то время выдающееся значеніе, какъ центръ, къ которому отливали волны лютеранства и цвингліанства. Здѣсь по словамъ Heide-müller'a пересѣкались духовныя теченія сѣвера и юга, востока и запада ¹⁾. Неудивительно поэтому, что въ Страсбургѣ въ то время находили для себя пріютъ боявшіеся преслѣдованія эмигранты, и здѣсь работали богословы, чуждые строго-конфессіональнаго духа. Достаточно назвать для характеристики состоянія Страсбурга того времени Маттея Целли, популярнаго народнаго проповѣдника, имѣвшаго тысячи слушателей и радушно принимавшаго въ своемъ домѣ не только лютеранъ и цвингліанъ, но даже и анабаптистовъ, ученѣйшаго Капито, доктора богословіа, права и медицины, безкорыстнаго каноника Өому и выдающагося по своему примирительному міровоззрѣнію богослова Будера, хорошаго оратора и организатора, „епископа Страсбурга“ и Іоанна Штурма, одного изъ великихъ педагоговъ XVI ст. Уже напередъ нетрудно сказать, что „въ этомъ городѣ Кальвину можно было безконечно многому поучиться“ ²⁾. Дѣйствительно, Кальвинъ здѣсь интенсивно развертываетъ свою пастырскую и ученую дѣятельность. Надзору и попеченію Кальвина поручена была община французскихъ протестантовъ—эмигрантовъ. Кальвинъ усѣлъ изъ нея сдѣ-

проповѣдникомъ Петромъ Кароли по вопросу о молитвѣ за умершихъ, призваніи свв. и аріанизмѣ, въ которомъ Кароли обвинялъ Кальвина. Кальвинъ опровергъ Кароли по всѣмъ пунктамъ. Подробнѣе см. объ этомъ у С. Назаревскаго. Прав. обозр. 1879, V—VI 690 и д.

¹⁾ S. 66.

²⁾ Lang. S. 49.

пать сплоченную единицу, представлявшую образец протестантскаго строя въ богослуженіи и нравственнаго примѣра въ образѣ жизни. Успѣшное обращеніе Кальвиномъ анабаптистовъ еще болѣе поднимало его авторитетъ, какъ ревностнаго пастора не только въ глазахъ Бундера, Каппета и общины, но и мѣстнаго Страсбургскаго магистрата.

На ряду съ практическою пастырскою дѣятельностью Кальвинъ отдается и теоретической работѣ: Кальвинъ занимается объясненіемъ св. Писанія (Поваго заветъ) въ основанной Штурмомъ школѣ, посвящая этому дѣлу 8 часовъ въ недѣлю и перерабатываетъ свой трудъ *Institutio*, придавая ему, при широкой постановкѣ, научную глубину. Результатомъ этихъ занятій было появленіе трудовъ: *Institutio* 1539, Комментаріи на посланіе къ Римлянамъ, небольшого сочиненія о таинствѣ евхаристіи, гдѣ Кальвинъ пытается примирить воззрѣнія на этотъ предметъ Лютера и Цвингли и небольшая работа „посланіе къ Садолету“, написанная Кальвиномъ въ 1539 году въ полемико-апологетическихъ видахъ ¹⁾.

¹⁾ Посланіе къ Садолету, о которомъ у насъ было упоминаніе въ рѣчи объ обращеніи Кальвина, было вызвано сочиненіемъ кардинала Садолета къ гражданамъ Женевы, увѣщавшемъ женовцевъ обратиться къ католической вѣрѣ. Эта мягкая по тону работа касалась совмѣстно и принципиальныхъ вопросовъ протестантства и положеній, затрагивающихъ личность Кальвина. Послѣдній написалъ на него горячее опроверженіе. Мы оставляемъ въ сторонѣ содержаніе этого посланія, желающіе съ нимъ познакомиться кратко могутъ найти о немъ свѣдѣнія напр. у Paulsen'a... S. 52 и д. Bossert'a въ 1-хъ гл. *Calvin und Sadolet* S. 74. Думаемъ, что посланіе Садолета не представляло въ общемъ большой опасности для гражданъ Женевы въ смыслѣ ихъ совращенія на прежній путь, тѣмъ болѣе, что и написано оно было на латинскомъ языкѣ.

Въ Страсбургѣ Кальвинъ не ограничивался практической и кабинетной работой, горизонты его простирались дальше, и онъ силою событій принималъ очень дѣятельное участіе въ церковно—политической миссіи, что дало ему возможность отлично ознакомиться съ нѣмецкимъ протестантизмомъ. Карлъ V, опасаясь распаденія Германіи, терзавшейся въ то время религіозными смутами, имѣлъ намѣреніе привести все населеніе Германіи къ одному религіозному знаменателю посредствомъ сеймовъ, На этихъ то сеймахъ участвовалъ и Кальвинъ. Онъ былъ во Франкфуртѣ, въ Гагенау, гдѣ подписался подъ аугсбургскимъ исповѣданіемъ, въ Вормсѣ, Регенсбургѣ. На этихъ сеймахъ Кальвинъ, настойчиво отвергая католическую доктрину, отстаивалъ принципы реформаціи, лично бесѣдуя и знакомясь съ такими видными въ то время представителями, какъ Озіандеръ и Меланхтонъ. На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ можно предполагать, что у Кальвина въ это время были широкіе планы объединенія въ одно цѣлое всѣхъ послѣдователей протестантскаго ученія ¹⁾).

Однако долго оставаться въ Страсбургѣ Кальвину было несуждено: въ 1541 году, по приглашенію Женевского магистрата, Кальвинъ переноситъ свою дѣятельность снова въ Женеву. Чтобы понять, какимъ образомъ Женева, незадолго предъ этимъ изгнавшая Кальвина, снова пригласила его къ себѣ, для этого необходимо обратить вниманіе на состояніе общественной жизни Женевы въ періодъ изгнанія Кальвина. Правительственная партія 1538 г. своей послушной дружбой съ Верномъ и индифферентнымъ отношеніемъ къ поддержанію церковнаго строя ослабила значеніе Женевы. „Женева“, пишетъ проф. Випнеръ, „чрезвычайно

¹⁾ Живя въ Страсбургѣ въ сферѣ религіозныхъ и ученыхъ вопросовъ, Кальвинъ здѣсь же устраиваетъ и свою личную жизнь—женится на вдовѣ одного анабаптиста—Иделеттѣ Бурэ.

проиграла съ уходомъ Кальвина и Фарели. Она какъ бы низопла на степень провинціального города. Въ дальнѣйшемъ такое положеніе вещей должно было вредно отразиться на политическомъ и торговомъ значеніи города, пріостановить притокъ религіозныхъ эмигрантовъ, особенно изъ Франціи, и изолировать Женеву отъ сосѣдняго единовѣрнаго и единокровнаго населенія, а вслѣдствіе этого принять ее предъ Берномъ“¹⁾... Недовольная правительственная партія (гиллермины), получивши перевѣсъ въ новыхъ выборахъ, проводятъ постановленію просить Кальвина возвратиться въ Женеву. Данное обстоятельство не было раскаяніемъ Совѣта предъ Кальвиномъ, а лишь яснымъ признаніемъ его организаторской, необходимой въ данномъ случаѣ для церковно-политической жизни города, способности. Кальвинъ, получивши приглашеніе, долго думалъ, какъ ему поступить и, наконецъ, не безъ вліянія друзей, рѣшилъ снова возвратиться въ Женеву, усматривая въ всемъ совершающемся волю Божию; день его возвращенія палъ на 13 сентября 1541 г.²⁾

По своемъ возвращеніи въ Женеву, Кальвинъ сейчасъ же вмѣстѣ съ другими проповѣдниками и 5-ю лицами отъ Совѣта принимается за разработку проекта устройства женевской церкви. Общій фонъ плана для Кальвина былъ ясенъ, поскольку онъ отражался въ его Articles, директивы совѣта—устроить церковь такъ, чтобы каждый могъ проводить жизнь согласно волѣ Божіей³⁾, также соответствовали основнымъ убѣжденіямъ реформатора. Правда нужно было считаться съ предшествующей исторіей—правами магистратъ

1) Стр. 221.

2) Объ условіяхъ, на которыхъ возвратился Кальвинъ, и о его триумфальной встрѣчѣ, данныя говорить не позволяютъ.

3) См. Paulsen S. 63.

та, но на этотъ разъ Кальвинъ находился въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ. Результатомъ работы комиссіи были такъ называемые „Ordonnances ecclesiastiques“; хотя они были приняты Совѣтомъ съ измѣненіями въ нѣкоторыхъ пунктахъ, однако Кальвинъ былъ доволенъ. Стройность мыслей проекта и его детальная разработка несомнѣнно служили показателемъ болѣе вдумчивости и зрѣлости Кальвина, жизненная школа Страсбурга не осталась безъ вліянія.

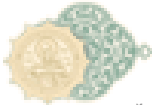
Истинная церковь, по мыслямъ ордонансовъ 1541 г., должна въ своемъ устройствѣ приближаться къ типу апостольской церкви и регулировать свою жизнь единственно словомъ Божиимъ. Исходя изъ такого положенія, ордонансы устанавливаютъ четыре должностныхъ служенія въ церкви—пасторовъ, учителей (докторовъ), старѣйшинъ и діаконовъ.

Называя пасторство служеніемъ „апостольскимъ, важнѣйшимъ, возвышеннымъ, необходимымъ болѣе чѣмъ солнечный свѣтъ и тепло, пища и питье“¹⁾, Кальвинъ въ ордонансахъ даетъ подробную регламентацію условій выбора пасторовъ. Инициатива избранія пастора принадлежитъ самимъ же пасторамъ; послѣдніе, выбирая извѣстнаго кандидата, подвергаютъ его тщательному испытанію въ знаніи Свящ. Писанія и характерѣ настроенія, а затѣмъ кандидатъ представляется городскому Совѣту и народу, могущимъ кассировать выборы, но на достаточно доказанныхъ основаніяхъ.

Обязанность пасторовъ заключается въ проповѣдываніи Слова Божія, совершеніи таинствъ и богослуженія и надзорѣ за нравственностью паствы.

Но пасторы въ своей работѣ не должны дѣйствовать каждый отдѣльно, они должны имѣть свою внутреннюю организацію; здѣсь на обсужденіе должны поставляться вопросы вѣроученія и нравоученія. Кальвинъ предлагаетъ еже-

¹⁾ Diener-Wyss... S. 48.

надѣльными собранія пасторовъ для обсужденія богословскихъ вопросовъ; это будетъ гарантеей дружной работы пасторовъ и условіемъ контроля ихъ нравственнаго поведенія. „Въ случаѣ столкновенія между пасторами по вопросамъ ученія, при отклоненіи кого либо изъ нихъ отъ установленныхъ догматовъ, а съ другой стороны, при нарушеніи извѣстныхъ нравственныхъ требованій, коллегія пасторовъ съ участіемъ старѣйшинъ или безъ нихъ превращается въ церковный судъ“¹⁾.

Второй чинъ „учителей“ понимается Кальвиномъ въ узко-техническомъ смыслѣ—это преподаватели богословія, на обязанности которыхъ лежитъ прежде всего истолковывать Ветхій и Новый Заветы и слѣдить за воспитаніемъ юношества. Учители выбираются съ согласія пасторовъ и подчиняются церковной дисциплинѣ. Введеніе института учителей предполагаетъ необходимо открытіе школы.

Третій институтъ—старѣйшины должны имѣть наблюденіе за нравственнымъ поведеніемъ гражданъ: число ихъ опредѣляется точно цифрою 12, при чемъ указывается, сколько въ частности своихъ представителей долженъ имѣть каждый изъ трехъ Совѣтовъ. Кандидаты въ старѣйшины намѣчаются Малымъ Совѣтомъ и, послѣ одобренія пасторовъ, представляются на утвержденіе Совѣта 200. Предъ послѣднимъ старѣйшины произносятъ клятву въ наблюденіи за церковнымъ порядкомъ и соблюденіи законовъ государства. Старѣйшины сами должны держаться чистаго ученія и отличатся безукоризненною нравственностью. Въмѣстѣ съ пасторами старѣйшины составляютъ консисторію. Мысль о консисторіи не была новою въ проектѣ Кальвина, такъ какъ консисторіи существовали въ протестантскихъ церквяхъ Швейцаріи, но Кальвинъ далъ совѣтъ новую постановку компетенціи этого учрежденія. По мысли Кальвина конси-

¹⁾ Випперъ стр. 245.

сторія, при своемъ смѣшанномъ составѣ, является *церковнымъ* органомъ управленія, она имѣетъ свои права и полномочія, а Совѣту только сообщаетъ о своихъ рѣшеніяхъ ¹⁾. Дуализмъ церковной и гражданской власти въ ордонансахъ проведенъ рѣзче, чѣмъ въ артикляхъ.

Институтъ діаконовъ имѣлъ служебно-экономическое значеніе: діаконамъ ввѣрялось попеченіе о церковныхъ имуществвахъ, больныхъ, бѣдныхъ; непосредственный надзоръ за жизнью діаконовъ и ихъ дѣятельностью поручался пасторамъ.

Съ принятіемъ ордонансовъ Женева становится на путь строгой церковной организаціи. Кампишульте склоненъ усматривать со времени 1541 г. постепенное развитіе началъ теократіи, централизовавшихся въ дѣятельности консисторіи. Хотя съ этимъ взглядомъ и нельзя согласиться вполне въ виду борьбы свѣтской власти за право вліянія на церковныя дѣла и частаго подчиненія распоряженій пасторовъ рѣшенію магистрата, однако доля справедливости въ утвержденіи Кампишульте безспорно на лицо. Консисторія и магистратъ, расходясь иногда въ частныхъ вопросахъ, въ общемъ все таки идутъ къ одной цѣли, по пути, указанному ордонансами. Картина жизни Женевы измѣнила свой колоритъ. Консисторія придирчиво истребляла остатки стараго культа, строго допрашивала находившихся на по-

¹⁾ Магистратъ не утвердилъ этого пункта ордонансовъ о консисторіи (см. Випперъ с. 256), Кальвину же хотѣлось видѣть консисторію съ проектируемыми имъ правами, вотъ почему въ послѣдующей исторіи примѣненія ордонансовъ встрѣчаются частыя столкновенія между консисторіей и магистратомъ изъ-за полномочій. Консисторія Кальвина, имѣвшая видное значеніе въ жизни Женевы, была по свидѣтельству Безы поставлена условіемъ, при наличности котораго Кальвинъ хотѣлъ лишь возвратиться въ Женеву.

дозрѣніи лицъ, настойчиво боролась съ суевѣріями, запрещающая въ этомъ случаѣ даже употребленіе нѣкоторыхъ именъ, занималась сыскомъ въ области поведенія каждаго отдѣльнаго гражданина, преслѣдуя танцы, свѣтское пѣніе, роскошь, карточную игру. Кальвинъ былъ самъ защитникомъ строгихъ мѣръ, безъ которыхъ полагалъ люди должны обратиться въ діаволовъ.

Естественно нужно было ожидать, что строгость подобныхъ мѣръ не останется безъ возраженій, на самомъ дѣлѣ мы видимъ зарожденіе въ Женевѣ сильной оппозиціи Кальвину.

Охарактеризовать эту оппозиціонную партію однимъ словомъ нѣтъ возможности. Правда Кальвинъ называлъ своихъ противниковъ „либертинами“—пантеистическо-мистическою сектою съ антиномистическимъ направленіемъ, но въ дѣйствительности это было далеко невѣрно. Знакомство съ исторіей Женевы за данный періодъ времени приводитъ изслѣдователя къ тому заключенію, что въ оппозиціи, во-первыхъ, были элементы довольно разнообразныя, примыкавшіе къ различной почвѣ—церковной, политической, догматической, національно-патріотической, а во вторыхъ, что эти элементы мѣстные прежде всего, а не пришлые. Какъ бы то ни было, но уплотнявшаяся постепенно группа вступила въ борьбу съ Кальвиномъ, нападая на него или за ригоризмъ или за неправовѣріе. Разсмотримъ борьбу Кальвина съ представителями обвиненія того и другого порядка.

Открытое недовольство Кальвиномъ, какъ вдохновителемъ ординасовъ и новаго порядка въ Женевѣ, падаетъ на 1546 г., когда возникаетъ такъ называемый процессъ Пьера Амо, члена городского Совѣта. Амо, занимавшійся въ Женевѣ фабрикаціей игральныхъ картъ, потерпѣлъ значительный матеріальный ущербъ послѣ запрещенія и преслѣдованія карточной игры. Однажды, въ присутствіи друзей, на пирушкѣ, Амо чистосердечно и открыто признался, что онъ

лично недоволенъ многими членами Совѣта, равнымъ образомъ не любитъ проповѣдниковъ, особенно же Кальвина, О послѣднемъ Амо выразился, какъ о зломъ пикардійцѣ, проповѣдующемъ ложное ученіе. Этотъ отзывъ дошелъ до Кальвина, консисторіи и Совѣта, при чемъ Кальвинъ требовалъ внушительнаго для оскорбителя наказанія, мотивируя свое желаніе указаніемъ на то, что отзывомъ Амо оскорблена честь имени Божія ¹⁾. Въ искупленіе вины и назиданіе другимъ Амо по приговору Совѣта долженъ былъ идти по городу въ бѣлой рубашкѣ, съ зажженой свѣчей въ рукахъ, становиться на колѣна передъ храмами и испросить въ концѣ концовъ прощенія у Кальвина.

Скоро Кальвину пришлось столкнуться съ болѣе почетною фамиліей Женевы — Фавръ-Перреновъ. Фавръ, уважаемый гражданинъ города Женевы, принимавшій когда то дѣятельное участіе въ освобожденіи города, привыкъ жить въ довольствѣ и свободно, не стѣняя себя мелочными требованіями. Дочь его Франциска, вышедшая замужъ за Ами Перрена, коменданта города, тоже выдѣлялась изъ ряда другихъ своими манерами, за что Кальвинъ однажды и называлъ ее Пентесиліей ²⁾. Самого Перрена, зятя Фавра, Кальвинъ называлъ шути „комическимъ цезаремъ“. Въ 1545 г. вся эта семья была поставлена Кальвиномъ въ трагическое положеніе. Въ домѣ Фавра былъ танцевальный вечеръ, за что Фавръ, Франциска, Ами Перренъ были вызваны на судъ консисторіи. Фавръ и Франциска рѣзко объяснились съ Кальвиномъ, указавъ ему на то, что его власть привела къ рабству гражданъ, и что она одна стоить власти четырехъ епископовъ. Раздраженный Кальвинъ отвѣтилъ, что если они хотятъ жить въ Женевѣ, то должны подчиниться зако-

¹⁾ См. Cornelius... S. 463.

²⁾ Penthesilia — амазонская царица побѣжденная Ахилломъ.

ну Божию, въ противномъ случаѣ могутъ удалиться и построить свой городъ. Фавръ былъ заключенъ въ тюрьму, Франциска вскорѣ осуждена была на изгнаніе, а Ами Перренъ скрылся бѣгствомъ изъ города.

Вскорѣ послѣ этого окончившагося для обвиняемыхъ лицъ сравнительно благополучно процесса, Кальвинъ подъялъ—повыи противъ поэта Такова Грюе, завершившійся для послѣдняго эшафотомъ. Поводомъ къ названному процессу—послужила найденная въ церкви св. Петра прокламація, призывавшая гражданъ освободиться отъ ига поповъ (pfaffen) и бремени меланхолическаго, раздражительнаго Кальвина. Разслѣдованіе цѣла и обыскъ установили фактъ причастности къ данному обстоятельству Грюе, у котораго кромѣ того найдены были другіе, компрометирующие его правовѣріе документы. Допрошенный подъ пыткой Грюе сложилъ голову на эшафотѣ.

Подобныя рѣшительныя дѣйствія Кальвина вызвали глухое недовольство въ народѣ, переходившее иногда въ открытыя демонстраціи противъ „диктатора“; многіе уклонились отъ пріятствія при всрѣчѣ съ Кальвиномъ, кашляли, шумѣли и свистѣли во время его рѣчей, притискивали его къ периламъ на мосту чрезъ Рону, кричали ему вслѣдъ „Каппъ“ (созвучное съ Кальвинъ—намекъ на исходъ процесса Грюе), травили его собаками, бросали камнями въ окна и т. п. Кальвинъ старался терпѣливо переносить эти обиды, утѣшая себя тѣмъ, что онъ служитъ чести имени Божію, хотя иногда переживалъ тяжелыя минуты, пѣть которыхъ выводилъ его, по его собственному признанію, десница Божія.

Но если одинъ лагерь противниковъ Кальвина расходился съ нимъ въ возрѣніяхъ на примѣненіе мѣръ къ проведению нравственной дисциплины, то другой выражалъ свое несогласіе съ теоретическими положеніями міросозерцанія реформатора, имѣющими догматическій характеръ.

Труды Киевск Дух Акад I III 1909 г

Уже вскорѣ послѣ своего возвращенія въ Женеву Кальвинъ обратилъ вниманіе на завѣдующаго школой С. Кастелліо, и, когда оказалось, что Кастелліо заблуждается въ нѣкоторыхъ пунктахъ—не признаетъ существія Христа во адѣ, предопредѣленія и смотритъ на книгу „Пѣснь пѣсней“, какъ на эротическій романъ, то Кальвинъ добивается изгнанія Кастелліо изъ Женевы (1544 г.).

Однако если Кастелліо является скорѣ обвиняющимъ, чѣмъ обвинителемъ, то нѣсколько позднее—въ 1551 г. въ такомъ же положеніи оказался самъ Кальвинъ. Нѣкто Іеронимъ Бальзекъ вооружился противъ ученія Кальвина о предопредѣленіи, называя его противнымъ Писанію и нечестивымъ, такъ какъ, при его допущеніи, Богъ становится виновникомъ грѣха. Защищая свою любимую доктрину о предопредѣленіи, Кальвинъ горячо возражалъ на основаніи Писанія противнику и въ результатѣ добился наказанія обвинителя (сначала тюрьма, а потомъ изгнаніе изъ города).

Едва только сходитъ со сцены Бальзекъ, какъ противъ Кальвина вооружается въ томъ же самомъ пунктѣ Троилле, указывая на книгу Кальвина *Institutio*, какъ на вредную. Совѣтъ поддержалъ Кальвина и запретилъ возставать противъ догмата о предопредѣленіи, какъ согласнаго съ словомъ Божиимъ.

Если Кастелліо, Бальзекъ и Троилле—богословскіе противники Кальвина, отдѣлялись сравнительно счастливо за свои возрѣнія, несогласныя съ взглядами Кальвина, то слѣдующему за ними иномыслищему ученому-медику и теологу Михаилу Сервету пришлось поплатиться за свои убѣжденія собственной жизнью. Этотъ замѣчательный человѣкъ, извѣстный въ исторіи медицины открытіемъ закона кровообращенія, еще раньше своего прибытія въ Женеву въ 1553 г. былъ знакомъ съ Кальвиномъ, къ которому онъ обращался съ нѣкоторыми вопросами. Мировозрѣніе Сер-

вета было монистическое, онъ отвергалъ троичность Лицъ въ Богѣ и самое Божество понималъ пантеистично, что и раскрывалъ въ своихъ сочиненіяхъ (*De trinitatis erroribus libri septem, Restitutio Christianismi*).

Скрываясь отъ инквизиціи, присудившей его въ Вьенѣ къ сожженію, Серветъ на пути въ Италію зашелъ въ Женеву. Здѣсь онъ былъ узнанъ, схваченъ и посаженъ въ тюрьму, причемъ обвинителемъ Сервета былъ Кальвинъ, а подставнымъ лицомъ, его секретарь. Сервету съ самаго начала не давали высказаться, и Кальвинъ все дѣло направлялъ къ его осужденію. Когда же магистратомъ были получены неблагоприятныя для Сервета сужденія сосѣднихъ церквей, то его какъ еретика, отвергающаго троичность, оскорбляющаго Сына Божія и отрицающаго крещеніе дѣтей, присудили къ сожженію на кострѣ, что и было выполнено 27 окт. 1553 г.¹⁾

Послѣ казни Сервета Кальвину пришлось выдержать еще тяжелую борьбу съ городскимъ Совѣтомъ по двумъ существенно важнымъ для него вопросамъ—а) о правѣ отлученія отъ причащенія и б) о правѣ гражданства эмигрантовъ, большинство которыхъ были французы. Городской Совѣтъ въ одномъ случаѣ (дѣло Бертеппье) снялъ отлученіе, положенное консисторіей. Кальвинъ настойчиво протестовалъ противъ этого и добился утвержденія права отлу-

¹⁾ Самый процессъ Сервета и его результатъ кладетъ темное пятно на личность Кальвина. Нѣкоторые изслѣдователи, желая смягчить вину реформатора, ссылаются или на эпоху, въ которую жилъ Кальвинъ, или на его строгій характеръ, нетерпящій компромиссовъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о славѣ Божіей, или на самую сущность ереси—антитринитаризмъ, нетерпящую въ то время, свидѣтельствомъ чего служатъ мнѣнія сосѣднихъ церквей по данному дѣлу. Въ 1903 г. въ знакъ искупленія вины Кальвина и жертвы примиренія поставленъ недалеко отъ Женевы Сервету памятникъ.

ченія за консисторіей. Въ это же самое время Кальвинъ защищалъ своихъ соотечественниковъ эмигрантовъ, многочисленный призывъ которыхъ въ Женеву сильно беспокоилъ многихъ членовъ Совѣта и коренныхъ жителей Женевы и заставилъ ихъ даже взяться за оружіе. Дѣло кончилось благопріятно для эмигрантовъ, и Кальвинъ, опираясь на новый элементъ населенія, упрочилъ твердо свое положеніе и болѣе интенсивно развилъ свою, теперь уже клонившуюся къ закату, дѣятельность.

Главное вниманіе въ этотъ сравнительно спокойный періодъ Кальвинъ посвящаетъ заботамъ объ учрежденіи въ Женевѣ коллегіи и вышей богословской школы—Академіи. Сознаніе необходимости такой школы, какъ самимъ Кальвиномъ, такъ и гражданами, чувствовалась давно; Кальвинъ еще въ ординасахъ надлежавшую подготовку чина „учителей—докторовъ“ ставилъ въ связь съ такою именно школою, а жители Женевы часто жаловались на неудовлетворительное состояніе существовавшей у нихъ школы и на необходимость, въ силу этого, посылать своихъ дѣтей для обученія въ другіе города. Теперь Совѣтъ пошелъ на встрѣчу Кальвину, предлагая для коллегіи здоровое, просторное мѣсто съ красивымъ видомъ на окрестности ¹⁾. Средства на постройку собирались изъ добровольныхъ пожертвованій; первымъ откликнулся на это дѣло Бониваръ „плѣнникъ Шильона“, Кальвинъ самъ принялъ на себя трудъ собирать пожертвованія, которыя въ теченіи полугода составили довольно крупную сумму въ 10024 гульдена. Постройка съ небольшимъ перерывомъ шла довольно успѣшно, дѣятельное участіе въ надзорѣ за производствомъ работъ принялъ на себя самъ Кальвинъ, несмотря на то, что чувствовалъ уже физическія недомоганія.

1) Kampschulte. В II. S. 314. Diener-Wyss. S 74.

Очень трудный вопросъ о педагогическомъ составѣ для будущей школы рѣшился неожиданно легко самъ собою: въ силу разногласія съ Бернскимъ правительствомъ о правѣ эскоммуникаціи, многіе изъ духовныхъ лицъ Ваадта и ученыхъ лозанской академіи перешли въ Женеву, гдѣ и были приняты съ распростертыми объятіями. Среди этихъ лицъ былъ и Беза, будущій ректоръ академіи, выдающійся профессоръ и лучший другъ Кальвина. 22-го мая 1559 г. Кальвинъ представилъ Совѣту академическій уставъ, который послѣ разсмотрѣнія магистратомъ и былъ одобренъ. 5-го іюня новое учрежденіе было открыто. Церемонія открытія академіи происходила въ церкви св. Петра. Сюда собрались синдикы, духовенство, профессора, учителя, ученики ¹⁾ и многіе изъ гражданъ города. Торжественно и не безъ внутренняго волненія на кафедре взошелъ Кальвинъ, чтобы испросить благословеніе Божіе собранію; послѣ него секретарь Совѣта (Boset) громкимъ голосомъ прочиталъ академическій уставъ, формулы клятвы для учителей и учениковъ и списокъ начальствующихъ и учащихся. За нимъ взошелъ на кафедру Беза и обратился къ присутствующимъ съ рѣчью на латинскомъ языкѣ, указывая слушателямъ на историческое начало, достоинство, необходимость и значеніе школы ²⁾. По окончаніи рѣчи къ присутствовавшимъ еще разъ обратился Кальвинъ, приглашая всѣхъ поблагодарить Бога за Его милость, учащихся и учащихся ревностно заниматься дѣломъ и благодаря синдику, членовъ Совѣта и остальныхъ гражданъ за ихъ участіе. Собраніе закончилось молитвою.

Школа распалась на двѣ части—коллегію и академію; первая преслѣдовала начальное гуманистическое обра-

¹⁾ Многіе пришли изъ Лозанны.

²⁾ Рѣчь по мыслямъ и построенію довольно интересна; краткое содержаніе ея приводитъ Kampschulte. В. II. S. 321—323. -

ваніе, вторая—завершительно-богословское, но та и другая находились въ вѣдѣніи одного лица—ректора Академіи. Число учителей для коллегіи опредѣлялось семь, они давали торжественную клятву исполнять ревностно обязанности не только обученія, но и воспитанія—вселять въ учащихся любовь къ Богу и ненависть къ пороку. Смотрѣть за уч-

ями коллегіи долженъ Principal du Collège—обыкновенно учитель старшаго класса, онъ долженъ былъ самъ служить примѣромъ для учителей въ области нравственнаго поведенія и слѣдить за порядкомъ въ коллегіи.

Въ строгѣ ученической жизни господствовали военные порядки, ученики раздѣлялись на роты по мѣсту жительства въ кварталахъ города и на декуріи въ классахъ. За ними существовалъ строгій надзоръ; при чемъ преимущественное вниманіе обращалось на посѣщеніе богослуженія, занятій и правдивость. Ложь преслѣдовалась строго.

Занятія происходили въ понедѣльникъ, вторникъ, четвергъ и пятницу, лѣтомъ они начинались съ 6, а зимою съ 7 часовъ утра. Сначала читалась молитва, затѣмъ шла перекличка, а потомъ поцутора-часовой урокъ, съ маленькимъ перерывомъ въ лѣтнее время для завтрака „въ тишинѣ и молитвѣ“, а въ зимнее безъ перерыва. Около 9 часовъ утреннія занятія заканчивались и ученики въ порядкѣ, подъ наблюденіемъ учителей младшихъ классовъ, расходились по домамъ. Въ 11 часовъ занятія возобновлялись снова, часть ученики упражнялись въ пѣніи псалмовъ, отъ 12 до 1 ч. шли уроки, потомъ часъ назначался для обѣда и отдыха; отъ 2-хъ до 4-хъ опять шли занятія; въ 4 часа по звонку ученики шли въ общую залу, здѣсь читались проступки, совершенные учениками за учебный день, назначались наказанія. Въ заключеніе ученики громко читали молитву Господню, символъ вѣры, десять заповѣдей и, получивши благословеніе отъ принципала, расходились по квартирамъ. Въ среду и субботу ученики были заняты писаніемъ проповѣ-

дей, диспутами, изученіемъ катихизиса, комментаріями Библіи: при чемъ и здѣсь для каждой работы была назначена свой часъ.

Учебный курсъ въ коллегіи распадался на семь лѣтъ въ такомъ порядкѣ—въ VII кл.—чтеніе и письма легкихъ латинскихъ пререченій, въ VI элементы латинской грамматики и синтаксиса, въ V продолженіе того же—образованіе предложеній, упражненіе въ силлостикѣ, чтеніе буколикъ Виргилія, въ IV окончаніе синтаксиса, чтеніе Цицерона и Оппидія, изученіе греч. азбуки, въ III—знакомство съ греч. грамматикой, переводъ съ греч. на латинскій и усовершеніе въ латинскомъ чрезъ изученіе Цезаря, Цицерона, Виргилія, во II—штудированіе греческихъ и римскихъ историковъ—Ливія, Ксенофонта, Полибія, Геродота, въ I-мъ—знакомство съ диалектикой и риторикой—теоретическое и практическое.

Академія имѣла нять профессоровъ, всеѣ они, какъ и преподаватели коллегіи, были духовными лицами и также, при вступленіи на должность, давали клятву въ честномъ исполненіи долга и правотѣ¹⁾. Утренній часъ обычно занималъ профессоръ еврейскаго языка, предлагавшій непосредственно послѣ проповѣди комментарій на отрывокъ какой-либо изъ ветхозавѣтныхъ книгъ. Этотъ же профессоръ въ другое время преподавалъ еврейскую грамматику. Гейбранста смѣнялъ профессоръ греческаго языка, изъяснявшій какой-либо отрывокъ морально-философскаго характера изъ Аристотеля, Плутарха, Платона и т. п.; въ послѣ-обѣденный часъ онъ же читалъ лучшія мѣста изъ греческихъ поэтовъ, ораторовъ, историковъ. Профессоръ свободныхъ искусствъ читалъ „нѣчто изъ физики“, а въ послѣобѣденный урокъ штудировалъ или риторику Аристотеля или избранныя рѣчи Цицерона. Чисто богословскія лекціи, имѣвшія своимъ пред-

¹⁾ Формула клятвы—это краткій символъ реформатства съ перечнемъ отдѣльныхъ пунктовъ вѣроученія.

метомъ толкованіе св. Писанія, читались двумя профессорамъ въ первые три учебные дни недѣли.

Дѣятельность академіи не ограничивалась лекціями, студенты подѣ руководствомъ профессоровъ занимались практическими занятіями—писали рефераты преимущественно экзегетическаго характера на отдѣльные мѣста Впблїи, вели диспуты и т. п. При чемъ обращалось вниманіе на духъ занятій, а не на словопренія.

„Школа Кальвина“, пишетъ Кампшульте, „должна была формировать всего человѣка—не только его разумъ, но и его характеръ, его волю, она должна была ему дать для всей жизни прочную опору¹⁾“.

Строй Кальвиновской коллегіи и академіи близко напоминалъ собою строй іезуитскихъ школъ, общеобразовательныя и формальныя науки, поскольку онѣ имѣли мѣсто здѣсь, цѣнились не сами по себѣ, а какъ подготовительная ступень къ богословію и средство его уразумѣнія.

Въ первый годъ существованія коллегія насчитывала 280 учениковъ, въ 1563 г. академіи имѣла 259 студентовъ здѣсь были, какъ это можно видѣть изъ сохранившагося матрикула, французы, итальянцы, нѣмцы, англичане, испанцы и русскіе, но если сюда прибавить вольнослушателей, то полагають, слушаемыхъ у Кальвина было не менѣе 1000 человекъ.

Эта академія имѣла большое значеніе въ исторіи дальнѣйшаго распространенія и укрѣпленія реформатства, почему и называется матерью всѣхъ высшихъ евангелическихъ школъ²⁾.

Осуществляя свой идеалъ сдѣлать Женеву „новымъ, Римомъ“, „новымъ Іерусалимомъ“, городомъ славы Господней, Кальвинъ далеко не замыкалъ своей дѣятельности гра-

¹⁾ Kampschulte. B. II. S. 333.

²⁾ См. Diener-Wyss. S. 77.

пицами Женевы, онъ лично, поскольку ему позволяло время и силы, стремился къ насажденію реформатства въ другихъ странахъ. Нельзя не удивляться неистощимой энергіи этого человѣка. Кальвинъ обращаетъ взоры на Францію, Англію, Шотландію, Польшу и Италію. Онъ пишетъ частныя письма миссіонерамъ протестантизма во Франціи, выражаетъ сердечное сочувствіе за претерѣваемые ими гоненія и поддерживаеъ ихъ мужество, когда они идутъ на эшафотъ. Переписываясь съ нѣкоторыми изъ высокопоставленныхъ лицъ, Кальвинъ дѣлаеъ ихъ послушными и признательными учениками, готовыми положить жизнь за проповѣдуемое имъ ученіе (Фамилія Chatillon, адмиралъ Coligny, королевская чета Наварры Антонъ и Іоанна). Вообще говоря, Кальвинъ былъ сторонникомъ мирныхъ средствъ въ распространеніи ученія, но въ исключительныя минуты совѣтовать своимъ адептамъ прибѣгать и къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ.

Зорко присматривался Кальвинъ и къ Англіи, когда тамъ Генрихъ VIII (1509—1547) отложился отъ Рима. Кальвинъ писалъ письма Краймеру, Сомерсету, предлагая послѣднему проектъ реформации церкви, подарилъ два изъ своихъ комъментаріевъ преемнику Генриха—Эдуарду VI. Ранняя смерть короля и реакціонно-католическое направленіе царствованія Маріи Кровавой затормозило дѣло. Компромиссные елизаветинскіе члены лишь слабо отражали доктрину кальвинизма. Но если Англія не восприняла ученія Кальвина всецѣло, то въ болѣе чистомъ и совершенномъ видѣ усвоила ученіе и строй церковной жизни реформатора Шотландія. Ноксъ, лично посѣтившій Женеву и близко стоявшій къ Кальвину, оказался наиболѣе вѣрнымъ насадителемъ его воззрѣній въ Шотландію. Кальвинъ для Нокса былъ апостоломъ, а Женева—городомъ, гдѣ чистое ученіе евангелія сохранилось такъ, какъ нигдѣ. Позднѣе отсюда кальвинизмъ проникъ въ сѣверную Америку.

Въ Польшѣ реформатство прививалось скорѣе, чѣмъ лютеранство; вѣроятно аристократическій церковно-политическій строй швейцарскихъ церквей болѣе соответствовалъ учрежденіямъ рѣчи Посполитой. Въ 40 годахъ здѣсь уже была община, копировавшая строй женевской церкви. Кальвинъ велъ переписку съ Сигизмундомъ II Августомъ и многими вліятельными лицами изъ шляхты. „Высшіе классы общества въ дѣлѣ отпаденія отъ отцовской религіи шли впереди. Многія знатныя фамиліи принимали протестантизмъ въ формѣ кальвинизма. духовникъ матери Сигизмунда—Францискъ Лисманши былъ пропитанъ духомъ кальвинизма. Радзивиллы Черный былъ горячій сторонникъ и покровитель кальвинизма. Іезуитскій писатель Копповичъ сообщаетъ, будто бы король, по убѣжденію Ник. Радзивилла Чернаго, готовъ былъ открыто объявить себя кальвинистомъ.¹⁾“

Но кальвинизмъ здѣсь не пустилъ все же прочныхъ корней, что ясно показала послѣдующая исторія. Кальвинъ самъ безнадежно сталъ смотрѣть на Польшу, не ожидая здѣсь прочнаго успѣха въ силу „поверхностности“ и „легкомыслія“ „польской націи²⁾“.

Менѣе успѣшно проникло реформатство въ Италію, хотя Кальвинъ не покидалъ въ своихъ взорахъ и ея. Отдѣльные адепты и здѣсь были у Кальвина, которые или скрывали свои убѣжденія, боясь инквизиціи, или эмигрировали въ Женеvu, гдѣ образовали изъ себя маленькую общину. Почтителемъ Кальвина былъ и извѣстный художникъ Тиціанъ, написавшій портретъ реформатора³⁾.

Само собой понятно, что, если Кальвинъ не упустилъ изъ вниманія странъ, гдѣ господствовалъ католицизмъ, усту-

¹⁾ В. Бѣдновъ. Православная Церковь въ Польшѣ и Литвѣ (по Volumina legum). Екатеринославъ, 1908 г., ст. 96.

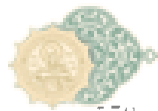
²⁾ Sodur. S. 57.

³⁾ См. Paulsen. S. 125.

павший не безъ борьбы свое мѣсто новому теченію, то тѣмъ болѣе не могли скрыться изъ поля его наблюденія Швейцарія и Германія съ сродными протестантскими теченіями: цвинглианствомъ и лютеранизмомъ. Въ этомъ отношеніи Кальвинъ былъ защитникомъ уніональных мѣръ, которыя бы могли сплотить сродныя, но разрозненныя и враждовавшія между собой направленія. Яблокомъ раздора между протестантскими фракціями того времени былъ вопросъ о евхаристіи, въ которомъ Лютеръ и Цвингли рѣзко разошлись между собою (Лютеръ признавалъ въ хлѣбѣ и винѣ, отрицая ихъ пресуществленіе, Тѣло и Кровь Христа Спасителя, Цвингли считалъ ихъ знаками, напоминающими вѣрующимъ о евхаристіи). Кальвинъ пытается приблизить прежде всего къ своему ученію цвинглианскія церкви, съ какою цѣлью долго велъ переговоры съ преемникомъ Цвингли—Буллингеромъ; результатомъ этихъ переговоровъ былъ памятникъ „Consensus Tigurinus“ (1549 г), трактовавшій въ 24 членахъ о евхаристіи ¹⁾. Кальвинъ очень радовался этому соглашенію, надѣясь что оно объединитъ въ концѣ концовъ его послѣдователей и послѣдователей Цвингли.

Насколько Кальвинъ внимательно въ этомъ отношеніи слѣдилъ за Германіей—свидѣтельствомъ тому служатъ уже знакомые намъ факты изъ дѣятельности Кальвина въ періодъ его пребыванія въ Страсбургѣ. Кальвинъ подписываетъ аугсбургское исповѣданіе (*variata*), ведетъ дружбу съ Меланхтономъ, который популяризуетъ его воззрѣнія, сглаживая сужденія Лютера (это отразилось даже въ символическихъ па-

¹⁾ Мысли Consensus'a слѣдующія—существо Христа въ таинствѣ евхаристіи (знакахъ) бесспорно; знаки предлагаются вѣрующимъ и невѣрующимъ, но только первые пріемлютъ Христа, чрезъ нисхожденіе божественной силы, невѣрующіе же не пріемлютъ Его за отсутствіемъ у нихъ соответствующаго органа воспріятія.

митникахъ лютеранства, принадлежащихъ Меланхтону („криптокальвинизмъ“). Памятникомъ объединенія швейцарскаго реформатства и лютеранства является *Confessio helvetica prior* (*baseliensis posterior*). Идеаль Кальвина былъ тотъ, чтобы прекратилось дѣленіе, чтобы было одно евангелическое стадо безъ дробленія на лютеранъ, цвингліанъ, кальвинистовъ.

Бросая ретроспективный взглядъ на богословскую и церковно-общественную дѣятельность Кальвина, мы безспорно должны ее признать по плану изумительно широкою, по выполненію поразительно многоплодною.

Для полноты изображенія личности Кальвина скажемъ нѣсколько словъ о его частномъ, домашнемъ бытѣ и послѣднихъ дняхъ жизни. Матеріала, относящагося къ данному вопросу, имѣется очень немного, такъ какъ намъ уже безъизвѣстно, что Кальвинъ самъ не любилъ говорить о себѣ, а біографы Кальвина настолько были подавлены церковно-общественной дѣятельностью реформатора, что не считали нужнымъ говорить рядомъ съ ней подробно о его семьѣ, бытѣ, образѣ жизни и т. д.

Кальвинъ женился 31 года, въ Страссбургѣ въ 1540 на вдовѣ Иденеттѣ Буре. Мотивы, побудившіе Кальвина вступить въ бракъ, были смѣшаннаго характера, но общій фонъ ихъ коренился въ желаніи—избавиться лично отъ мелочныхъ заботъ, чтобы посвятить себя работѣ. Еще до брака Кальвинъ говорилъ, что еслибы ему пришлось жениться, то онъ сдѣлаетъ это не ради продолженія личнаго рода и не для предохраненія себя отъ нецѣломудрія, такъ какъ сохранить тѣлесную чистоту было для него легко и въ безбрачїи, а съ тою цѣлью, чтобы избавиться „отъ обременительныхъ заботъ“ и отдаться болѣе ревностно на служеніе Богу¹⁾. Въ

¹⁾ *Lang. S. 55.*

будущей супругѣ онъ хотѣлъ видѣть женщину „цѣломудренную, снисходительную, скромную, бережливую, терпливую и заботящуюся о здоровьи мужа“¹⁾. Такую подругу жизни Кальвинъ и думалъ найти въ лицѣ Иделетты. Она уже имѣла двухъ дѣтей отъ перваго брака, во второмъ бракѣ она принесла Кальвину троихъ дѣтей, но всѣ они умерли вскорѣ послѣ своего рожденія. Это несчастье семейной жизни Кальвина было предметомъ злорадныхъ издѣвательствъ со стороны нѣкоторыхъ лицъ противнаго ему лагеря—католиковъ, говорившихъ по данному поводу, что самъ Богъ наказываетъ Кальвина, отнимая у него дѣтей, такъ какъ не желаетъ, чтобы этотъ „подлый человекъ“ оставилъ послѣ себя потомство²⁾, на что Кальвинъ обычно отвѣчалъ: развѣ тысячи моихъ послѣдователей, разбросанныя по земному шару—не мои духовныя дѣти? Насколько Иделетта оправдала довѣріе Кальвина въ семейной жизни—сказать трудно. Въ общемъ полагаютъ, что она была доброй и заботливой женой. „Посѣщать бѣдныхъ и больныхъ, утѣшать страждущихъ, принимать многочисленныхъ чужестранцевъ, стучавшихся въ гостепріимную дверь, въ дни болѣзни бодрствовать у постели супруга, а по ночамъ, когда дикія толпы бродили по улицамъ и со всѣхъ сторонъ неслись угрожающіе крики по адресу проповѣдника, коленнопреклоненной стоять въ углу своего жилища на молитвѣ—вотъ тѣ заботы, которыми была наполнена жизнь Иделетты“³⁾. Здоровье Иделетты было слабое, и она умерла 1549 г. (29 марта). Кальвинъ былъ глубоко огорченъ этой потерей, что видно изъ его письма написаннаго по этому поводу нѣсколько позднѣе къ Фарелю (11 августа 1549 г.), гдѣ въ эпическомъ повѣствованіи о смерти Иделетты звучитъ нота нѣжной, глубокой грусти⁴⁾

1) Ibid.

2) Выраженіе іезуита Бриелія. Heidemüller. S. 115.

3) Diener-Wyss. S. 111.

4) Письмо приведено у Heidemüller'a. S. 117.

Образъ жизни Кальвина былъ въ высшей степени простъ, содержаніе довольно скромное. Въ Женевѣ городской Совѣтъ опредѣлилъ выдавать ежегодно Кальвину, какъ „человѣку великаго знанія и опытному организатору церковной жизни“, 500 гульденовъ (около 3000 франковъ), 12 мѣръ пшеницы и 2 бочки вина“. Если принять во вниманіе, что домъ Кальвина посѣщали друзья и обращавшіеся часто за помощью иностранцы, то указанная цифра содержанія не можетъ быть названа очень большою. Валькеръ пишетъ по этому поводу: „жалованье (salary) только было достаточно для того, чтобы удовлетворить очень скромные запросы собственной жизни Кальвина и оплатить расходы въ высшей степени простого добровольнаго гостепріимства. Все его содержаніе не превышало и 200 экю, что составляло около 2115 долларовъ, со включеніемъ сюда и дохода отъ его книгъ“¹⁾. Одѣвался Кальвинъ очень просто—носилъ одежду изъ простой ровной ткани, что очень, напр., удивило Садолета, посѣтившаго однажды реформатора и не ожидавшаго его встрѣтить въ такомъ простомъ костюмѣ.

Питался Кальвинъ также неизысканно, долгое время онъ довольствовался однимъ обѣдомъ, который подавался въ полдень; послѣ, по совѣту врача, онъ усилилъ питаніе, вкушая днемъ хлѣбъ и вино. Имущество, оставшееся послѣ Кальвина, состояло изъ 225 талеровъ (вырученныхъ отъ продажи книгъ) и подареннаго ему однимъ изъ друзей серебрянаго кубка. Послѣдній подаетъ поводъ нѣкоторымъ сорбонистамъ смѣяться надъ Кальвиномъ, оставившимъ кубокъ какъ бы въ символическое выраженіе всего характера реформаціи, направляющейся отъ церкви въ сторону возстановленія царства Венеры и Бахуса.

Съ ранняго утра и до поздней ночи Кальвинъ отдавался работѣ. Вотъ какъ, напр., Кальвинъ описываетъ въ Страс-

1) Walker-Williston, p. 431.

бургѣ другу Фареню одинъ изъ своихъ дней: „я просмотрѣлъ 20 корректурныхъ листовъ (Correcturbogen) моей книги, потомъ обычное чтеніе въ университетѣ, затѣмъ четыре письма, потомъ рѣшеніе нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ, ко мнѣ приходили болѣе чѣмъ десять разъ люди, которымъ я долженъ былъ дать отвѣтъ... Извини меня поэтому, если мое письмо кратко“... ¹⁾ Въ Женевѣ Кальвинъ работалъ еще болѣе: объ этомъ краснорѣчиво говорить уже извѣстная многосторонняя дѣятельность Кальвина; стоить блго взглянуть на результаты, хотя бы литературной работы Кальвина—предъ нами книга *Institutio*, переработанная три раза и изданная на латинскомъ и французскомъ языкахъ нѣсколько разъ, комментаріи и чтенія на большую часть Ветхаго Завета и на весь Новый, за исключеніемъ Апокалипсиса, и много другихъ мелкихъ трудовъ: писемъ, проповѣдей, трактатовъ и т. д. Всѣ произведенія Кальвина, въ Страсбургскомъ послѣднемъ изданіи, составляютъ 59 томовъ. Огослуда понятно, почему Кальвинъ довольствовался большею частью четырехчасовымъ сномъ.

Такая напряженная работа непосильна и для крѣпкаго организма, неудивительно поэтому, что подъ ея тяжестью сталъ надрываться и безъ того слабый физически организмъ Кальвина ²⁾. Слабая дѣятельность желудка, лихорадка, рев-

¹⁾ См. у Paulsen'a. S. 156.

²⁾ До нашего времени сохранилось нѣсколько портретовъ Кальвина—всѣ они относятся къ послѣднимъ годамъ жизни реформатора или къ моменту уже послѣ его смерти. Внѣшній видъ Кальвина на всѣхъ изображеніяхъ очень сходенъ. Это былъ человѣкъ съ очень худымъ лицомъ, острымъ профилемъ и красивымъ орлинымъ носомъ, выдающимся нѣсколько впередъ подбородкомъ, окаймленнымъ среднею клинообразною бородою. На нѣкоторыхъ изображеніяхъ (оригиналъ Женевской университетской бібліотеки) Кальвинъ представленъ съ полуткрытымъ ротомъ и жестомъ руки, указывающимъ на то, что Кальвинъ, по мысли ху-

матизмъ, камни, кровохарканіе ¹⁾ подтачивали здоровье Кальвина настолько, что онъ уже около 50 года (1559) чувствовалъ близость смерти и страшился лишь одного, что не успѣетъ кончить работы. Въ 1562 съ Кальвиномъ повторились сильные болѣзненные припадки; силы его слабѣли— 1564 г., 6 февраля, Кальвинъ сказалъ свою послѣднюю проповѣдь. Страданія его были мучительны, и онъ повременамъ, возводя глаза кверху, со стономъ произносилъ „Доколы Господи!“ 10 марта Совѣтъ отдалъ распоряженіе о томъ, чтобы всѣ граждане молились за возстаніе отъ одра болѣзны Кальвина. Послѣ этого Кальвинъ былъ въ Совѣтѣ и церкви св. Петра, поддерживаемый другими. 24 апрѣля Кальвинъ составилъ завѣщаніе, въ которомъ прежде всего благодарить Бога за Его милости, а затѣмъ уже распоряжается своимъ небольшимъ имуществомъ. 28 мая, 1564 г., въ 8 часовъ вечера Кальвинъ умеръ. Беза въ трогательныхъ выраженіяхъ описываетъ тяжелую утрату: *Sic igitur eo die cum occidente sole splendida etiam haec lux nobis erepta est. Sequenti nocte ac postero die in urbe tota ingens fuit comploratio. Requirebat enim nuiversa civitas sapientissimum civem, ecclesia deplorabat fidi sui pastoris decessum, scola ereptum sibi talem doctorem lugebat, omnes denique communi secundum deum parente ac consolatore orbatī lamentabantur* ²⁾. На другой день послѣ смерти, трупъ Кальвина былъ возложенъ на деревянные дроги, и почти весь городъ сопровождалъ его на общее кладбище (Plain-palais). Строгое шествіе— безъ пѣнія псалмовъ и надгробныхъ

дожника, или читаетъ лекціи или говоритъ проповѣдь. Въ 1893 г. открыто финифтяное изображеніе Кальвина, относящееся къ болѣе раннему періоду его жизни (1535 г.); на немъ Кальвинъ представленъ съ широкимъ лбомъ, живыми глазами, маленькимъ ртомъ и густою рыжею бородою.

¹⁾ См. Stähelin S. 682, Sodeur. S. 72, Diener-Wyss. S. 115-

²⁾ Calvinus. Opera Omnia. Beza J. Calvini vita.

рѣчей нарушалось плачемъ и криками почитателей реформатора. Памятника на могилѣ, согласно желанію Кальвина, не было поставлено. Городской магистратъ и консисторія отмѣтили фактъ смерти Кальвина краткими записями. Значительно позже на могилу Кальвина былъ положенъ простой четырехугольный камень съ инициалами его имени I. C.¹⁾ Въ настоящее время неизвѣстно въ точности, гдѣ именно погребенъ прахъ реформатора.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о Кальвинѣ, какъ гуманистѣ, проповѣдникѣ и богословѣ.

Какъ гуманисту Кальвину принадлежитъ очень видное мѣсто въ исторіи XVI ст., онъ прошелъ хорошую гуманистическую школу и былъ ея достойнымъ выразителемъ и представителемъ. Мы уже видѣли, что первый трудъ Кальвина—комментарій на сочиненіе Сенеки „de Clementia“ отъ начала до конца представлялъ собою работу ученаго гуманиста. Но вліяніе гуманистической школы не ограничилось агитъ лишь трудомъ, а оставило глубокий слѣдъ и на всѣхъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ Кальвина; прежде всего оно ясно проглядываетъ въ формальной сторонѣ —строѣ рѣчи. До Кальвина и въ его время въ школахъ господствовалъ латинскій языкъ, употреблялся также и французскій, но первый отличался варварскою конструкціей, второй грубыми вульгаризмами; происходило то „смѣшеніе языковъ“, которое высмѣялъ въ одной изъ каррикатурныхъ сценъ своего романа Гаргантюа Рабле, когда сорбонистъ невозможною рѣчью просить у героя снятый съ собора парижской Богоматери колоколъ и повѣшенный имъ на шею своего коня²⁾. Каль

1) Фотографическіе снимки съ этого камня можно видѣть у Walker'a p. 440.

2) Съ отрывкомъ изъ этой сцены можно познакомиться у Н Карѣва, Исторія Западной Европы въ новое время. Спб. 1892 г. т. I, стр. 480.

винъ, не смѣшивая языковъ, писалъ одинаково легко и свободно, какъ на латинскомъ, такъ и на французскомъ языкѣ. Образцомъ, которому слѣдовалъ Кальвинъ, былъ Цицеронъ; по краткости и сжатости языкъ Кальвина напоминаетъ Тацита. Очень уважая Августина, Кальвинъ никогда не одобрялъ его манеры писать—длинно и витіевато. Чтобы видѣть, насколько Кальвинъ умѣлъ выражать по—латыни сжато свои мысли, для этого, говоритъ Sodeur, „стоитъ только сопоставить другъ съ другомъ латинскую и французскую редакцію одного и того же текста; латинское выраженіе часто занимаетъ лишь только половину того мѣста, которое принадлежитъ французскому тексту“ 1) Французскій переводъ *Institutio* считается первымъ образцомъ литературной французской прозы.

Гораздо въ меньшей степени гуманизмъ отразился, если можно такъ выразиться, въ настроеніи Кальвина. „Кальвинъ“, пишетъ Лангъ, „былъ гуманистомъ въ значительно меньшей степени, чѣмъ Цвингли, и совершенно въ иномъ родѣ, чѣмъ Меланхтонъ; отъ послѣдняго его отдѣляетъ рѣшительное подчиненіе научныхъ интересовъ религіозной задачѣ, отъ перваго глубина пониманія вѣры и оправданія“ 2). Нѣкоторые указываютъ, что тѣ воззрѣнія на природу и искусство, которыя составляли такъ сказать пароль гуманизма, были чужды Кальвину, мрачно смотрѣвшему на всю красоту мірозданія, какъ отрицательный полюсъ по сравненію съ величайшимъ и абсолютнымъ Существомъ 3). Хотя справедливость и требуетъ признать то, что Кальвинъ по существу смотрѣлъ холодно на природу и искусство, даже и

1) Sodeur S. 76.

2) Lang. S 73.

3) Paulsen S. 166 См. Diener-Wyss. S. 124 Богъ и природа, святость и паганизмъ послужили даже исходными пунктами для Швейцера въ рѣшеніи вопроса о существѣ реформатства.

внѣ сравненія съ гуманистами—особенно итальянскими, однако не отрицать ихъ *положительнаго* значенія въ дѣлѣ прославленія чести Божіей. Въ данномъ пунктѣ Кальвинъ ставилъ строгія границы изобразительному искусству—скульптурѣ и живописи, не допуская ихъ въ область религіознаго культа, какъ запрещенныхъ прямо словомъ Божиимъ. Сфера ихъ приложенія, по Кальвину,—*historiae ac res gestae, imagines ac formae corporum*¹⁾. Тоническимъ искусствамъ—музыкѣ и пѣнію Кальвинъ придавалъ громадное значеніе, какъ средству пробужденія и поддержанія религіозно—молитвеннаго настроенія. Особенно пѣнію Кальвинъ пѣніе; пѣніе псалмовъ было и предметомъ особаго урока въ коллегіи.

Въ самой оцѣнкѣ источниковъ христіанскаго вѣроученія нельзя не видѣть вліянія, хотя быть можетъ въ рамкахъ своего первоначальнаго происхожденія и отдаленнаго, наслѣдія гуманизма. Въ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ необходимо обращаться къ первоисточнику. Кальвинъ такимъ первоисточникомъ главнымъ и единственнымъ считаетъ св. Писаніе, приписывая ему безусловный авторитетъ, какъ сверхъестественному откровенію самой Божественной воли²⁾.

Какъ проповѣдникъ Кальвинъ былъ выдающимся по своей ревности, продуктивности, широтѣ и вліянію на слушателей. Кальвинъ проповѣдывалъ очень часто, на каѳедрѣ онъ чувствовалъ себя, какъ дома; и въ годъ, по свидѣтельству Безы, произносилъ до 286 проповѣдей³⁾. Проповѣдей своихъ Кальвинъ не писалъ; но родъ его произношенія давалъ возможность слушателямъ легко записывать то, что говорилъ проповѣдникъ; записывать проповѣди Кальвина

1) Bossert. S. 142.

2) Въ сборникѣ *Calvinstudien*. Leipzig. 1909 г. есть специальная, хотя довольно блѣдная, статья J. Neuenhaus'a *Calvin als Humanist*. (S. 1—26).

3) Kampschulte. B. II. S. 376.

начали довольно рано и некоторые изъ эмигрантовъ; такимъ путемъ дошло до нашего времени до 2000 проповѣдей.

Захватывая широко трактуемый вопросъ (сюжетъ—отрывки изъ св. Писанія), и видвигая его положительную сторону, Кальвинъ нерѣдко вдавался въ область историческихъ довольно мелкихъ параллелей и справокъ ¹⁾, но всю проповѣдь направлялъ къ нравственно практической цѣли. „Его проповѣдь всегда имѣла практическую подкладку... онъ желалъ указать, что каждый человѣкъ не только долженъ знать Бога, но также и служить и благоугождать ему“ ²⁾. Отводилъ Кальвинъ въ своихъ проповѣдяхъ немалое мѣсто и полемическому противъ католической церкви элементу. Хотя Кальвинъ не отрицалъ необходимости краснорѣчія для проповѣдника, но самъ избѣгалъ искусственныхъ приемовъ и говорить всегда ясно, просто и раздѣльно. Нерѣдко Кальвинъ доходилъ и до релігіознаго одушевленія и оковывалъ вниманіе слушателей ³⁾. Насколько граждане любили слушать Кальвина—доказываетъ тотъ фактъ, что „проповѣди его *всегда* посѣщались“ ⁴⁾.

Въ рѣчи о Кальвинѣ, какъ богословѣ, мы не намѣрены говорить о богословской системѣ Кальвина, такъ какъ главные пункты ея отмѣчены выше, а коснемся лишь вопроса объ отношеніи Кальвина къ наслѣдію другихъ реформаторовъ—Лютера и Цвингли съ указаніями особенныхъ чертъ его міровоззрѣнія. Вопросъ этотъ очень трудный; и еще до настоящаго времени даже въ западной литературѣ богословіе Кальвина, особенно со стороны различія отъ богословія другихъ реформаторовъ, не получило глубокой и систематической обработки. Стоитъ въ данномъ случаѣ сослаться на то значительное количество очень пространныхъ и остроумныхъ теорій, которыя высказывались и высказываются по

1) См. Випперъ.. 100, 101.

2) Sodeur S. 73.

3) Bolsert. S. 147.

4) Kampschulte. В. II. 376.

вопросу объ отличительныхъ чертахъ лютеранства и реформатства, чтобы видѣть, что вопросъ о кальвинизмѣ въ его отношеніяхъ къ лютеранству и цвинглианству остается еще во многихъ пунктахъ открытымъ въ наукѣ¹⁾. Постарасмь кратко и въ болѣе конкретной формѣ сдѣлать нѣкоторые поясненія къ поставленному вопросу, разбивъ его на двѣ части, во первыхъ, есть ли сходство въ міровоззрѣніи Кальвина съ доктриною Лютера и Цвингли, и если есть, то какое, и, во вторыхъ, что нужно признать особеннымъ, оригинальнымъ моментомъ ученія Кальвина?

Первая половина вопроса въ ея общемъ положеніи всегда рѣшалась въ утвердительномъ смыслѣ, именно, что Кальвинъ зависѣлъ отъ своихъ предшественниковъ по реформаціонному поприщу; богословы школы ричианской говорятъ настолько рѣшительно о близкой зависимости Кальвина отъ Лютера, что вся система первого вырисовывается, какъ скопѣкъ съ системы второго, съ небольшою лишь наличностью чертъ средневѣковаго міропониманія и дальнѣйшей эволюціи реформаціоннаго міровоззрѣнія. Дѣйствительно уже на основаніи личныхъ очень дружественныхъ отношеній между Кальвиномъ и Лютеромъ можно заключать о томъ, что Кальвинъ спльно симпатизировалъ Лютеру, котораго называлъ „выдающимся пастыремъ Христовой Церкви и своимъ глубокочтимымъ отцомъ“²⁾. Кальвинъ позаимствовалъ у Лютера многіе главные пункты богословскаго міровоззрѣнія; уже въ 1-мъ изданіи *Institutio* Кальвинъ стоитъ въ близкой зависимости не только въ композиціи, но и въ самыхъ мысляхъ отъ катихизиса Лютера, пользуется

¹⁾ Разумѣемъ теоріи Швейцера, Баура, Шнекербургера, Гундерсгагена. Краткій сводъ этихъ теорій и другихъ менѣе важныхъ можно видѣть въ книгѣ Гундерсгагена *Beiträge zur Kirchenfassungsgeschichte und Kirchenpolitik*. Wiesbaden 1864.

²⁾ Lang. S. 67.

его работой „о вавилонскомъ плѣненіи Церкви“ и отдаетъ дань Меланхтону (Loci). Въ дальнѣйшихъ изданіяхъ своего труда Кальвинъ попрежнему не упускаетъ изъ вниманія работы виттенбергцевъ. У Кальвина, какъ и Лютера, выступаетъ на первый планъ практическій характеръ христіанства—сотеціологическая доктрина, паденіе, порча природы, пришествіе въ міръ Спасителя, искупленіе, покаяніе и вѣра. Св. Писаніе и оправданіе вѣрою—формальный и матеріальный принципы совершенно одинаковы у Кальвина и Лютера.

Однако припоминая пункты доктрины Кальвина, мы не можемъ не замѣтить, что не всѣ они разлагаются безъ остатка на положенія богословія Лютера; такъ, напр., остаются необъяснимыми представленія Кальвина о таинствахъ, предопредѣленіи и Церкви.

Нѣкоторые изслѣдователи и считаютъ эти положенія оригинальнымъ зерномъ системы Кальвина, нерѣдко признавая ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и центральными догматами міровоззрѣнія Кальвина (предопредѣленіе—Швейцерь, церковь—Гундерсгагенъ). Однако теперь довольно убѣдительно доказано, что и въ названныхъ пунктахъ Кальвинъ стоялъ въ зависимости отъ примирительной стразбургской школы Буцера. „На ряду съ Лютеромъ можно разсматривать какъ духовнаго отца Кальвина и Буцера ¹⁾. Последний будучи сначала строгимъ лютераниномъ, сдѣлался затѣмъ цвингліаниномъ, а потомъ такъ сказать эклектикомъ въ этой области, старавшимся найти пути къ объединенію лютеранства съ цвингліанствомъ. Указаннымъ вопросамъ, рѣзко обо значившимъ конфессіональность двухъ типовъ протестантизма, Буцерь и старался придать менѣе рѣзкую окраску, но ему не всегда удавалось сгладить искусно черты различія. Какъ бы то ни было, но у Буцера мы находимъ всѣ ті пункты о таинствахъ, предопредѣленіи и церкви въ такой именно постановкѣ, въ какой они приняты Кальвиномъ

¹⁾ Lang S. 77.

Подъ влияніемъ Буцера Кальвинъ сдѣлался уніональнымъ богословомъ и эту попытку своего учителя доводить до поразительной ясности, глубины и послѣдовательности, что отчасти замѣтно и въ 1-мъ изданіи *Institutio*. Таинство евхаристіи есть, по Кальвину, знакъ, символъ (точка зрѣнія Цвингли), но не пустой, а запечатлѣвающій избранныхъ въ силу реального дѣйствія Бога (приближеніе къ Лютеру). Мысль о предопредѣленіи, высказанная еще Августиномъ, въ сущности говоря принималась всеми реформаторами Лютеромъ, Цвингли, Буцеромъ и Кальвиномъ, но основной характеръ и обоснованіе ея были у всѣхъ различны. Для Лютера предопредѣленіе—указаніе на безсиліе человѣческой воли, для Цвингли—послѣдовательность процесса развитія абсолютнаго, для Буцера и Кальвина предопредѣленіе—проявленіе славы Божіей и пограничная линія избранныхъ и отверженныхъ, дающая силу непреложной увѣренности въ ихъ спасеніи. Эта субъективная увѣренность покоится на условія принадлежности къ Церкви, которая есть не только общество, гдѣ существуютъ „слово“ и „таинство“ (Лютеръ), но и внѣшній строй и дисциплина (Цвингли).

Вотъ собственно два духовныхъ отца — (Лютеръ и Буцеръ), которые дали содержаніе и направленіе системѣ Кальвина; отъ Цвингли, какъ человѣка радикальнаго по своимъ воззрѣніямъ, Кальвинъ стоялъ на довольно значительномъ разстояніи, онъ не любилъ своего предшественника—швейцарца, этого религіозно-національнаго героя.

Если такимъ образомъ, Кальвинъ воспользовался готовымъ богатствомъ—идеями Лютера и Буцера, то въ чемъ же его значеніе? Прежде всего въ органическомъ воспріятіи, тонкомъ углубленіи и систематической разработкѣ усвоеннаго. „У Лютера глубокія, великія, новыя мысли, чрезвычайный пафосъ и высокій полетъ, у Кальвина мысли Лютера—въ строжайшемъ распорядкѣ и тончайшей формулировкѣ. У Лютера—сильныя потребности чувства, потребно-

сти консервативной опоры и мистического переживания, у Кальвина — требование логической ясности и сообразных съ доводами разума заключений. У Лютера неустойчивое колебание мнѣнія, даже неразрѣшимое противорѣчіе, у Кальвина несокрушимая стойкость убѣжденій и гармоническое единство ученія¹⁾. При вдумчивомъ отношеніи къ этой работѣ Кальвина нельзя не замѣтить того, что эта работа не столько внѣшне-экклезиастическая, сколько внутренне-синтетическая, прошедшая центръ глубокихъ душевныхъ переживаній реформатора. Этимъ только и объясняется то обстоятельство, что изъ принятаго въ результатѣ образовалось, какъ справедливо замѣчаетъ Лангъ, „новое, мощественное, исполненное жизненнаго единства“. Переживанія эти неумовимы и не поддаются логическому растлененію, можно лишь сказать, что строй ихъ коренился въ особомъ *настроеніи, духъ благочестія* живой личности Кальвина, сообщившей переработанной системѣ живую душу и самостоятельный типъ. Исходный пунктъ этой настроенности Кальвина — можно выразить положеніемъ: „все для славы и чести Божіей“²⁾. Этимъ изреченіемъ опредѣлялась вся жизнь Кальвина, оно же является движущей пружиной его системы. Богъ великъ, всемогущъ, святъ, человекъ малъ, ничтоженъ. *Знать Бога и подчиняться Его воли* единственная задача человека, исполненіемъ которой онъ только служить славы

1) Sodeur. S. 78.

2) Lang. S. 89.

3) Съ чисто внѣшней точки зрѣнія, конечно, можно говорить о предопредѣленіи и таинствахъ — въ частности о таинствѣ евхаристіи, какъ отличительныхъ чертахъ реформатства, такъ какъ въ лютеранскія символич. книги вошло открыто понятіе о предопредѣленіи и такое именно ученіе о таин. евхаристіи, но если эти пункты являются оригинальными для реформатства, какъ конфессіональнаго типа, то далеко они не являются такими для Кальвина.

Божіей. И Кальвинъ слушался воли Божіей; чувствуя призваніе Бога къ новой жизни, Кальвинъ рветъ рѣшительно всё связи съ прошлымъ и вступаетъ смѣло на другой путь (*subita conversio*). Слыша голосъ Божій въ словахъ Фарези при первомъ прибытіи въ Женеву, Кальвинъ отказывается отъ намѣченной цѣли дальнѣйшаго путешествія и плана работы, и рѣшается остаться съ намѣреніемъ выполнить волю Божию; видя проявленіе божественной воли въ приглашеніи въ Женеву, Кальвинъ оставляетъ гостепріимный и покойный Страсбургъ и идетъ на дѣло Божіе туда, куда не лежало его сердце. „Воля Божія для Кальвина была всѣмъ, его пищею, которой жилъ день и ночь его могучій духъ въ то время, какъ слабое тѣло казалось не нуждается ни въ какомъ питаніи. Жизнь Кальвина покоилась въ Богѣ. Онъ жилъ въ ощущеніи и сознаніи постоянной близости великаго, вѣчнаго святаго, праведнаго, всемогущаго и ревнующаго Бога“ ¹⁾. Въ этомъ случаѣ Кальвинъ, вѣрившій въ свое служеніе, какъ орудіе исполненія божественной воли (сравненіе съ Давидомъ), являлся какъ бы грознымъ востокзавѣтнымъ пророкомъ — ревнителемъ, сурово карающимъ всякое отступленіе отъ заповѣда, какъ оскорбленіе чести Божіей. При холерическомъ темпераментѣ Кальвина эта строгость переходила въ раздражительность, въ которой, иногда раскаивался самъ реформаторъ ²⁾. При такомъ міровоззрѣніи и настроеніи, для Кальвина и строгій законъ предопредѣленія былъ основаніемъ для него къ дѣятельной работѣ для славы Божіей и источникомъ утѣшенія, сообщавшимъ увѣреніе въ дѣйствительности избранія и спасенія. Кальвинъ исполнилъ искренно и чистосердечно могъ сказать, что „*praedestinationem... nemo qui velit pius censeri negare audeat*“ ³⁾.

¹⁾ Paulsen. S. 167.

²⁾ Diener-Wyss. S. 121.

³⁾ Calvinus. Opera, omnia, t. VIII III. C. XXI, 5.

Въ послѣдующее за Кальвиномъ время реформатство смягчило суровость закона и прямолинейность пункта предопредѣленія (въ положеніи о *pergratio*); но, если отъ этого отчасти пострадала логическая стройность реформатства, то нисколько все таки еще не утратилась его жизненность, какъ протестантскаго типа. Личность реформатора не утратила своего значенія и теперь. „Религіозный характеръ Кальвина“ пишетъ Лангъ, „есть тотъ типъ благочестія (*Frommigkeitstypus*), отъ котораго реформатскій протестантизмъ черпаетъ свою силу, и на которомъ утверждается въ своемъ строѣ и до настоящаго времени“¹⁾. Въ этомъ отношеніи, какъ свидѣтельствуемъ исторія, реформатству суждена была завидная доля сравнительно съ лютеранствомъ и цвинглианствомъ, и Кальвинъ въ нѣкоторомъ смыслѣ можетъ быть названъ побѣдителемъ—ученикомъ надъ своими, давшими ему духовное богатство, учителями²⁾.

В. Поповъ.

¹⁾ Lang. S. 94.

²⁾ 400-лѣтній юбилей К. въ настоящемъ году Женева отпраздновала довольно торжественно. См. И. Бороздинъ, Дни К. въ Женевѣ (Моск. Еженед. 1909 г., № 35).